В. А. ФРАНЦЕВЪ

РУССКІЕ ВЪ ЧЕХІИ 1813–1823

Alexander I.
Cisař Ruský a král Polský
&c. &c. &c.

В. А. ФРАНЦЕВЪ

РУССКІЕ ВЪ ЧЕХІИ

1813–1823

ПРАГА ЧЕШСКАЯ
ИЗДАНІЕ Э. П. ГЕЙСТЛИХА
1913

ПЕЧАТАНО
ВЪ 200 ЭКЗ.

№ 188

ТИПОГРАФІЯ „ПОЛИТИКА“.

В. А. ФРАНЦЕВЪ.

РУССКІЕ ВЪ ЧЕХІИ
1813—1823.

течественная война лишь слабымъ эхомъ отразилась на дальнемъ славянскомъ Западѣ, въ Чехіи. Чешской періодической печати въ это время, можно сказать, не было, ибо оффиціальный органъ, издававшійся въ Прагѣ на нѣмецкомъ и чешскомъ языкахъ, K. K. privilegirte Prager Oberpostamtszeitung (Poštovské Noviny), не только не могъ быть выразителемъ взглядовъ и настроенія чешскаго общества, но долженъ былъ, по характеру своему, скорѣе сочувствовать Наполеону въ его борьбѣ съ Россіей, какъ союзнику Австріи, связанному съ Габсбургскимъ домомъ столь тѣсными родственными узами. Вотъ почему въ теченіе всей кампаніи 1812 г. названная газета ограничивается лишь систематическимъ сообщеніемъ сухихъ бюллетеней о движеніи и дѣйствіяхъ великой арміи и донесеній Шварценберга. Только частная переписка и немногочисленныя воспоминанія первыхъ дѣятелей чешскаго литературнаго возрожденія даютъ намъ отчасти возможность уяснить себѣ дѣйствительное отношеніе лучшихъ чешскихъ людей къ великой эпопеѣ.

Походъ Наполеона въ Россію вызывалъ живѣйшій интересъ во всемъ славянскомъ мірѣ. Чехи, въ теченіе XVIII ст. неоднократно встрѣчавшіе въ своей странѣ русскія войска и сравнительно недавно еще (въ 1799 г.) восторженно принимавшіе въ Прагѣ Суворова и его чудо-богатырей, не могли равнодушно взирать на эту грозную борьбу сѣверныхъ братьевъ съ соединенными силами западной Европы. Еще недавно (1805) русскіе, какъ союзники австрійцевъ, бокъ о бокъ съ славянскими полками ихъ, сражались на моравскихъ поляхъ у Славкова (Аустерлица). Союзники потерпѣли пораженіе, и потому походъ великой арміи въ Россію, послѣ ряда блестящихъ кампаній, напол-

нялъ сердца славянскихъ патріотовъ естественною тревогою и мрачными думами о будущемъ единственной великой и свободной славянской державы. Умы болѣе глубокіе и дальновидные сознавали ту огромную опасность, которою грозилъ всему славянству возможный и, какъ казалось, неотвратимый разгромъ Россіи Наполеономъ, и приходили въ отчаяніе. Только немногіе изъ нихъ, особенно тѣ, кто зналъ Россію не по наслышкѣ, а по личнымъ наблюденіямъ, не теряли вѣры въ великія силы и духовную мощь русскаго народа. Правда, ихъ было немного, но тѣмъ дороже было ихъ бодрящее, спокойное слово. Къ такимъ чехамъ принадлежалъ, напримѣръ, знаменитый ученый, патріархъ славяновѣдѣнія, аббатъ Іосифъ Добровскій, еще въ 1792 году совершившій ученую поѣздку въ Россію вмѣстѣ съ чешскимъ магнатомъ, графомъ Іоахимомъ Штернбергомъ. Другъ его, видный дѣятель чешскаго возрожденія, поэтъ-священникъ Антонинъ Марекъ въ глубокой старости (†1877) вспоминалъ о своей бесѣдѣ съ нимъ лѣтомъ 1812 г. по поводу похода Наполеона: »Съ страшною душевною тревогою, съ замираніемъ сердца слѣдили мы, патріоты, за движеніемъ Наполеона и отчаивались за исходъ борьбы, за наше чешское дѣло, за судьбу славянъ. По нашему мнѣнію, Россія должна была проиграть. Всѣ эти опасенія я передалъ Добровскому. Но въ Добровскомъ я встрѣтилъ иныя мысли. „Россія не падетъ", отвѣчалъ онъ мнѣ: „Наполеонъ еще не знаетъ русскихъ, когда имъ придется защищать свою кожу". И Добровскій ободрилъ мой падающій духъ...« Это убѣжденіе Добровскаго втайнѣ, несомнѣнно, раздѣляли и другіе чешскіе патріоты, но по обстоятельствамъ времени никто не высказывалъ его громко.

Пророческія слова геніальнаго аббата исполнились. Послѣ отступленія остатковъ великой арміи и вступле-

нія русскихъ войскъ въ предѣлы Силезіи и Чехіи наши западные соплеменники начинаютъ смѣлѣе выражать свои симпатіи къ русскимъ и съ ихъ успѣхами связываютъ свои тайныя надежды и чаянія. Въ дальнѣйшей борьбѣ съ Наполеономъ чехи уже сами принимаютъ участіе, и муза чешская настраивается воинственно. Поэтъ Іосифъ Раутенкранцъ сочиняетъ рядъ такихъ пѣсенъ „чешскихъ воиновъ" (»Na vlastenectví! Zpěv českých hrdinů 1813«, »Probuzení obranců českých k cvičení se ve zbrani 1813«, »Zpěv osady vojenské 1813«); другіе современные поэты отзываются на различныя событія этой эпохи. Особеннымъ вниманіемъ и симпатіями пользуется императоръ Александръ I.

Въ половинѣ августа 1813 г. Александръ, слѣдуя за арміей, прибываетъ въ Прагу. При первомъ извѣстіи о приближеніи государя императоръ австрійскій Францъ I выѣхалъ привѣтствовать своего высокаго гостя и могущественнаго союзника. Оба государя встрѣтились у городскихъ воротъ, вышли изъ экипажей и при восторженныхъ кликахъ народа дружески облобызались. По ярко освѣщеннымъ улицамъ они проѣхали затѣмъ въ королевскій дворецъ на Градчанахъ, гдѣ императоръ Францъ лично ввелъ Александра I въ отведенные для него покои и пробылъ у него около получаса. Немного спустя императоръ Александръ I отвѣтилъ визитомъ Францу I, а затѣмъ вмѣстѣ съ герцогиней Ольденбургской Екатериной Павловной и Маріей Павловной, герцогиней Веймарской, присутствовалъ на парадномъ обѣдѣ. На слѣдующій день оба императора выѣзжали смотрѣть расположенныя въ окрестностяхъ Праги войска, а вечеромъ въ тотъ же день присутствовали въ театрѣ.

Прага опять принимала русскихъ гостей. На этотъ разъ они появились въ ея дружескихъ стѣнахъ въ большемъ количествѣ и на болѣе продолжительное время, чѣмъ

въ 1799 г., во время похода Суворова. Снова тогдашнія газеты наполняются всякаго рода извѣстіями и сообщеніями о русскихъ, начиная съ описанія придворныхъ пріемовъ, обѣдовъ и парадовъ и кончая списками останавливавшихся въ гостиницахъ русскихъ офицеровъ, курьеровъ съ театра войны и объявленіями объ утерянныхъ вещахъ, депешахъ, о продажѣ „русскихъ лошадей“ и т. д. Современная газета, интересующаяся вообще личностью русскаго императора, сообщаетъ цѣлый рядъ подробностей о его путешествіи. На пути своемъ въ Прагу Александръ I останавливался, между прочимъ, въ Хлумцѣ (у Быджова), куда онъ прибылъ въ сопровожденіи полковника графа Толстого и князя Эстергази, при торжественномъ звонѣ всѣхъ колоколовъ. Здѣсь его привѣтствовали камергеръ австрійскаго двора графъ Леопольдъ Кинскій, Карлъ Путеани, окружной коммиссаръ фонъ-Ангермайеръ, мѣстный деканъ Янъ Берка и всѣ чиновники и жители города. Деканъ устроилъ въ своемъ домѣ завтракъ, благосклонно принятый государемъ, очаровавшимъ всѣхъ своею любезностью и обходительностью. На пути къ дому декана выстроены были шпалерами городскіе цехи со своими знаменами, четыре маленькія дѣвочки поднесли государю букетъ и усыпали его путь цвѣтами, а оркестръ турецкой музыки, составленный изъ шестилѣтнихъ и семилѣтнихъ мальчиковъ, игралъ встрѣчу. Послѣ небольшого отдыха поданъ былъ экипажъ, запряженный шестеркой лошадей, любезно предложенныхъ гр. Кинскимъ, и при восторженныхъ кликахъ жителей государь выѣхалъ черезъ Колинъ въ Прагу.

Пробывъ въ Прагѣ нѣсколько дней, Александръ I 19-го августа отбылъ въ главную квартиру въ Теплицы. Однако съ отъѣздомъ государя и его многочисленной свиты Прага не лишилась всѣхъ своихъ русскихъ го-

стей. Здѣсь ихъ было постоянно обиліе: театръ военныхъ дѣйствій былъ настолько близокъ, что сюда естественно направлялось по различнымъ надобностямъ и порученіямъ значительное число русскихъ офицеровъ. Жилось нашимъ офицерамъ въ Прагѣ, надо думать, хорошо и весело. Гостепріимство и расположеніе къ нимъ чешскаго общества были безграничны, развлеченій въ часы досуга, повидимому, можно было найти достаточно. Въ теченіе зимы 1813—1814 гг. русскіе офицеры были частыми посѣтителями и тогдашняго чешскаго театра. Однажды группа нашихъ офицеровъ присутствовала на представленіи пьесы Яна Неп. Штепанка: „Патріоты, или извѣстіе о Лейпцигской побѣдѣ" („Vlastenci, nebo zpráva o Lipském vítězství"). Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ въ этой пьесѣ выступало нѣсколько казаковъ. Какъ только присутствовавшіе въ театрѣ наши офицеры увидѣли ихъ на сценѣ, они тотчасъ стали рукоплескать и громко выражать свое удовольствіе. Но восторгъ ихъ еще болѣе усилился, когда одинъ изъ казаковъ (въ пьесѣ: Павелъ Кучовъ) сталъ говорить по-русски и по-русски же провозгласилъ тостъ: „За здоровье вашего и нашего государя". Наши офицеры были чрезвычайно растроганы этой сценой, единодушно прокричали „ура", а нѣкоторые изъ нихъ изъ партера перебрались черезъ оркестръ на сцену и стали обнимать и цѣловать Штепанка, игравшаго роль казака. Публика въ свою очередь привѣтствовала русскихъ гостей восторженными кликами и рукоплесканіями.

Въ числѣ множества русскихъ, главнымъ образомъ военныхъ лицъ, мы встрѣчаемъ въ Прагѣ и знаменитаго адмирала-академика А. С. Шишкова. Заболѣвъ на пути въ главную квартиру въ Хомутовѣ, онъ испросилъ у императора Александра I разрѣшеніе вернуться въ Прагу для лѣченія и отдыха. „Въ Прагѣ, я надѣюсь, будетъ

мнѣ спокойнѣе“, писалъ онъ женѣ. Вотъ что разсказываетъ онъ далѣе въ своихъ запискахъ о своемъ пребываніи здѣсь.

„По полученіи дозволенія ѣхать въ Прагу я отправился туда. Платовъ далъ приказаніе тремъ казакамъ меня проводить и при мнѣ остаться. Въ Прагѣ отвели мнѣ домъ огромный, но пустой и слѣдовательно весьма для меня скучный, а особливо въ тѣ дни, когда припадки мои, усиливаясь, не позволяли мнѣ выходить.“ Въ это время въ Прагу перевезли много русскихъ офицеровъ и солдатъ, раненыхъ въ Кульмскомъ сраженіи (Chlumec). Изъ нихъ, разсказываетъ Шишковъ, поручику лейбъ-гвардіи Егерскаго полка графу Войновичу два раза отнимали ногу, сперва ниже, а потомъ выше колѣна. „Сего послѣдняго онъ самъ желалъ и сердился на мѣшканіе врачей, говоря, что безъ сей второй операціи (ибо при первой пуля не отыскана) онъ навѣрное умретъ, а претерпя вторичную, можетъ быть, и выздоровѣетъ; но по несчастію сія надежда его не сбылась: онъ умеръ. За нѣсколько часовъ передъ смертью прислали ему св. Анны второй степени орденъ. Онъ просилъ, чтобы на него надѣли и, любуясь имъ, окончилъ жизнь свою. Вотъ какъ человѣкъ честолюбивъ!“

Если больному Шишкову вначалѣ, повидимому, было скучно въ Прагѣ за отсутствіемъ подходящаго общества и знакомыхъ, то въ слѣдующіе дни, когда въ Прагу „наѣхали многіе изъ нашихъ русскихъ“, настроеніе его замѣтно улучшилось. „Здѣсь жили — разсказываетъ Шишковъ — графиня Е. А. Остерманъ и съ нею двѣ княжны Туркистановы, графиня Витгенштейнъ, двѣ княгини Волконскихъ, княгиня Репнина, князь Зубовъ, Олопеусъ, Кикинъ и еще нѣкоторые, на время пріѣзжавшіе. Я почти всякій день бывалъ у гр. Остерманъ; познакомился съ почтеннѣйшей графиней Витгенштейнъ и былъ ею обласканъ. Иногда хаживалъ ко мнѣ здѣшній ученый,

довольно по сочиненіямъ своимъ извѣстный, аббатъ Добровскій, съ которымъ провождали мы время въ разговорахъ о славенскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ. Такимъ образомъ, могъ я жить здѣсь съ удовольствіемъ, но припадки мои стали умножаться, и для того, чтобъ не сидѣть часто одному въ пустомъ домѣ, разсудилъ я за лучшее переѣхать къ Кикину, гдѣ жилъ съ нимъ еще дѣйств. статскій совѣтникъ Ивашевъ."

Кикинъ, какъ сообщаетъ Шишковъ, жилъ въ Прагѣ по нѣкоторымъ дѣламъ и для надзора за ранеными. Такъ какъ изъ нихъ многіе офицеры и солдаты умерли то Кикинъ, по свидѣтельству Шишкова, высказалъ мысль о необходимости сооруженія здѣсь умершимъ русскимъ воинамъ достойнаго памятника. Эту мысль, „основанную на любви къ отечеству и правдѣ", Шишковъ вполнѣ одобрилъ, но для приведенія ея въ исполненіе, прежде всего, необходимо было собрать достаточныя средства. „Хотя въ этомъ и не можно было имѣть полной удостовѣренности, повѣствуетъ Шишковъ, однако-жъ, предоставляя времени успѣхъ сего предпріятія и вѣдая, что безъ начала не будетъ конца, приступили къ подпискѣ." По этому случаю Шишковъ написалъ слѣдующее воззваніе, переведенное и на нѣмецкій языкъ:

„Прага послѣ жестокихъ битвъ, происходившихъ при отдѣляющихъ Саксонію отъ Богеміи горахъ, содѣлалась гробомъ немалаго числа россійскихъ офицеровъ и солдатъ, изъ которыхъ многіе при одной, а иные и при двухъ ранахъ не хотѣли оставить поля сраженія. Тѣла ихъ всѣ погребены въ одномъ избранномъ для сего мѣстѣ. Сіи храбрые воины, защитившіе свое отечество, пришли изъ сѣверныхъ странъ съ таковымъ же мужествомъ и правотою свергнуть со всѣхъ нѣмецкихъ земель иго насилія и порабощенія. За невольную вражду ихъ заплатили они имъ доброволь-

ною пріязнію и, не пощадя за нихъ крови своей, легли на полѣ чести жертвою своего великодушія. Достопамятныя числа 17 и 18 сего августа мѣсяца 1813 года не могутъ никогда быть забвенны въ бытописаніяхъ кровопролитнѣйшихъ браней. Въ первый изъ сихъ дней россійская гвардія остановила прорывавшуюся въ Прагу въ восемь разъ превосходнѣйшую противъ себя непріятельскую силу, а во второй, — съ подоспѣвшими къ ней своими и союзными войсками, совершенно истребила и уничтожила сорокатысячный, подъ предводительствомъ Вандама, корпусъ. Вотъ дѣла сихъ, погребенныхъ здѣсь въ Прагѣ, подвижниковъ и соучастниковъ въ знаменитой сей побѣдѣ! Кто не пожелаетъ въ память имъ воздвигнуть ограду и соорудить памятникъ съ приличною надписью и начертаніемъ именъ ихъ? Сверхъ достодолжнаго отданія справедливости симъ отличнымъ воинамъ, кто отречется доставить чрезъ то нѣкоторое утѣшеніе сѣтующимъ родственникамъ и друзьямъ ихъ? Союзники и прочіе народы европейскіе да видятъ, сколь уважается между нами духъ истинной воинской славы и честолюбія! Путешественники, взирая на сей памятникъ, да читаютъ въ немъ благодарность Пражскихъ жителей, да вспомнятъ великія происшествія сего времени и умиленіемъ благородной души своей да почтутъ прахъ сихъ героевъ, падшихъ за правду!“ Къ этому воззванію приложенъ былъ рисунокъ, описаніе и примѣрная смѣта памятника.

Мысль Кикина, поддержанная Шишковымъ, энергично приступившимъ къ ея осуществленію, встрѣтила общее сочувствіе, и задуманный ими памятникъ украшаетъ донынѣ братскую могилу русскихъ воиновъ. Памятникъ первоначально воздвигнутъ былъ на военномъ кладбищѣ въ пражскомъ предмѣстьѣ Карлинѣ, у подножья Жижковой горы; нынѣ онъ находится на

Ольшанскомъ протестантскомъ кладбищѣ, куда перенесенъ былъ, вмѣстѣ съ останками русскихъ воиновъ, въ 1906 году, когда Карлинское кладбище было уничтожено.

Съ двухъ сторонъ памятника на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ сдѣлана слѣдующая надпись:

ПАМЯТНИКЪ
ХРАБРЫМЪ РОССІЙСКИМЪ ОФИЦЕРАМЪ,
КОТОРЫЕ ОТЪ ПОЛУЧЕННЫХЪ ИМИ РАНЪ
ВЪ СРАЖЕНІЯХЪ
ПОДЪ
ДРЕЗДЕНОМЪ И КУЛЬМОМЪ
въ Августѣ мѣсяцѣ 1813 года
ВЪ ГОРОДѢ ПРАГѢ ПОМЕРЛИ.
Да пребудетъ священъ вашъ прахъ сей Землѣ,
Незабвенны останетесь Вы своему Отечеству.

На другихъ двухъ сторонахъ, на черныхъ мраморныхъ доскахъ, тоже по-русски и по-нѣмецки, высѣченъ списокъ именъ погребенныхъ подъ памятникомъ офицеровъ:

СПИСОКЪ ОФИЦЕРАМЪ:

ПОДПОЛКОВНИКЪ:

1. 7 Артилл. бригады: Турчаниновъ.

МАІОРЫ
нижеслѣдующихъ полковъ:

2. Екатериносл. Гренад.: Тепловъ.
3. Селенгинскаго Пѣх.: Штифтъ.

РОТМИСТРЫ И КАПИТАНЫ:

4. Серпуховск. Улан.: Колесниковъ.
5. Могилевск. Пѣх.: Плехановъ.
6. Волынскаго Пѣх.: Матвѣевъ.

ШТАБСЪ-КАПИТАНЫ:

7. СПБургск. Грен.: Щерпачевъ.
8. Перновскаго „ Мекнобъ.
9. Сѣвскаго Пѣх.: Глазенапъ.
10. Калужск. „ Синявскій.

ЛЕЙТЕНАНТЪ:

11. Гвардейск. экип.: Константиновъ.

ПОРУЧИКИ:

12. Л.-Гв. Семеновск.: Чичеринъ.
13. „ Измайловск.: Чагинъ.
14. „ Егерск.: гр. Воиновичъ.
15. „ „ Ушаковъ.
16. Московск. Гренад.: Гавриловъ.
17. Ревельскаго Пѣх.: Подгородецкій.
18. Кременчугск. „ Булаховъ.

ПОДПОРУЧИКИ:

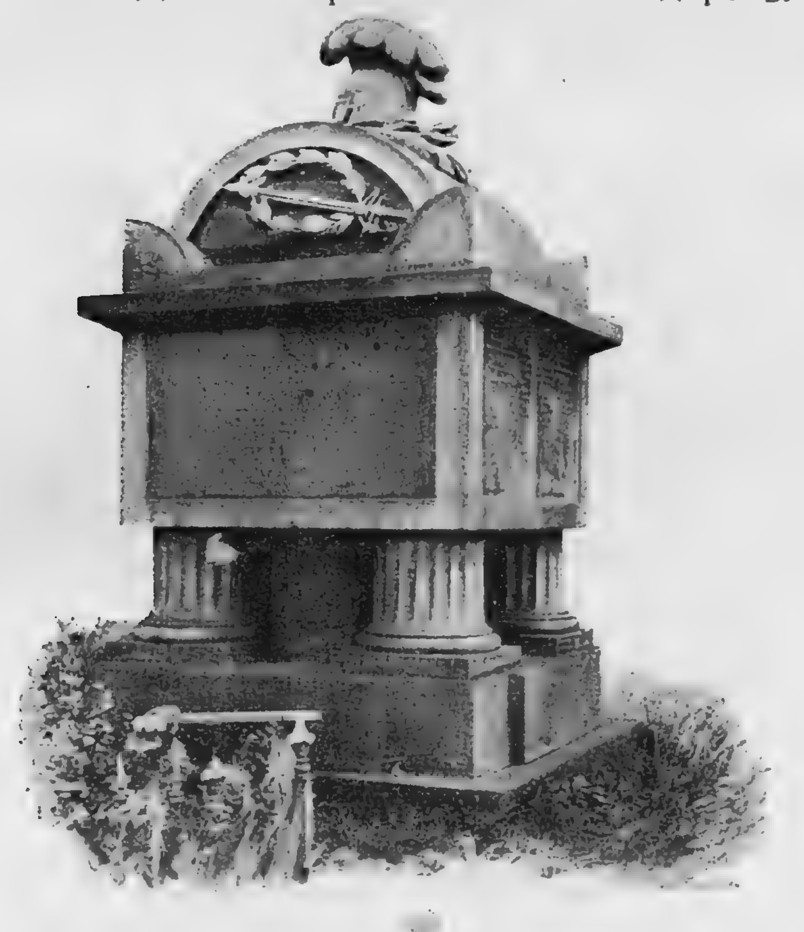
19. Л.-Гв. Измайловск.: Скоржинскій.
20. Перновск. Гренад.: Клаигѣилсъ.
21. Сѣвскаго Пѣхот.: Хосолпсуевъ.
22. „ „ Вагинъ.
23. Тенгинск. „ Маевскій.
24. Калужск. „ Ивановъ.
25. Естландск. „ Ковалевскій.
26. 4 Егерскаго „ Трасевичъ.
27. 20 Егерск. „ Бѣловъ.
28. 24 Егерск. „ Трунинъ.
29. 25 Егерск. „ Канетовичъ.
30. 1 Казацкаго Полка: Лебедевъ.

КОРНЕТЫ:

31. Л.-Гв. Уланск.: Ерадимотисъ.
32. Лубенск. Гусарск.: Жерве.

ПРАПОРЩИКИ:

33.	Л.-Гв. Семеновск.:	Араужевъ.
34.	„ Измайловск.:	Жолубовъ.
35.	Муромскаго Пѣх.:	Вентъ.
36.	Тобольскаго „	Клеицманъ.
37.	Кременчугск. „	гр. Толстой.
38.	Естландскаго „	Никитинъ.
39.	4 Егерскаго „	Миллеръ.
40.	4 Егерскаго „	Свистуновъ.
41.	4 Егерскаго „	Соколовъ.
42.	12 Егерскаго „	Нероновъ.
43.	25 Егерскаго „	Захаровъ.
44.	1 Казацкаго Полка:	Анзбуловъ.
45.	Донской Артилл.:	Сотн. Андаревъ.

Гуманное отношеніе къ русскимъ раненымъ со стороны властей и жителей Праги произвело въ русскихъ военныхъ кругахъ наилучшее впечатлѣніе, и Александръ I въ письмѣ на имя пражскаго оберстъ-бургграфа, графа Коловрата, выразилъ населенію Праги свою благодарность за то участіе, съ которымъ оно отнеслось къ русскимъ воинамъ. Вотъ это письмо, опубликованное 6 октября 1813 г. въ Пражскихъ Почтовыхъ Извѣстіяхъ (№ 120) и хранящееся нынѣ въ нѣмецкой копіи въ Пражскомъ городскомъ архивѣ:

„Господинъ оберстъ-бургграфъ,
графъ Коловратъ!

Съ глубокой благодарностью узналъ я о томъ ревностномъ попеченіи и о томъ добродушномъ и человѣколюбивомъ пріемѣ, которые нашли въ Прагѣ мои раненые воины. Я чувствую потребность выразить жителямъ этой древней столицы, сколько я умѣю цѣнить поступокъ, который приноситъ честь ихъ патріотизму и сердцу. Прошу васъ, господинъ оберстъ-бургграфъ, передать имъ мой образъ мыслей о семъ. Увѣрьте ихъ, что каждый, безъ различія чина, который только вернется подъ свое знамя, будетъ сражаться съ обновленнымъ мужествомъ, вспоминая о врачевавшей его рукѣ. Такимъ образомъ укрѣпится духъ взаимнаго братства, и тѣснѣе свяжется тотъ союзъ, который заключенъ для благополучія и спокойствія Европы и обѣщаетъ торжество самому благородному, справедливому и безкорыстному дѣлу. Господинъ оберстъ-бургграфъ! Тотъ, кто стоитъ во главѣ управленія, имѣетъ, вмѣстѣ съ дворянствомъ и остальными сословіями, равное право на мою признательность, которую я симъ гласно заявляю. Примѣръ, подаваемый правительствомъ въ случаяхъ великой важности, есть самая могучая пружина; излишни

поэтому будутъ дальнѣйшія увѣренія въ томъ, что вы, господинъ оберстъ-бургграфъ, пріобрѣли полное мое уваженіе и благосклонность."

Теплицъ. *Александръ.*
17 (29) сентября 1813 г.

Такимъ образомъ, государь подтверждалъ своимъ письмомъ существованіе тѣхъ глубокихъ симпатій къ

русскому воинству, которыя столь трогательно проявились во всѣхъ слояхъ чешскаго общества. Представительницы чешскаго дворянства въ память побѣды, одержанной гр. Остерманомъ въ славномъ Кульмскомъ бою, поднесли герою серебряную чашу, сдѣланную по рисунку художника Берглера, украшенную жемчугомъ, чешскими гранатами и чешскимъ львомъ на крышкѣ.

Кругомъ чаши надпись: »Udatnému Ostermannovi od Čechyň k pamĕti na Chlumec dne 17 (29) srpna 1813.« На шестнадцати граняхъ основанія чаши по-чешски вырѣзаны имена всѣхъ округовъ Чехіи.

Молодежь чешская, по свидѣтельству современника, подъ вліяніемъ знакомства и общенія съ русскими, стала стремиться въ ряды русскихъ полковъ, „чувствуя въ жилахъ своихъ братскую кровь.“ „Наши чувства и мысли только на нихъ и были направлены!“ говоритъ участникъ этихъ событій. Въ г. Находѣ, принадлежавшемъ Петру Бирону, появленіе русскихъ войскъ произвело такое сильное впечатлѣніе, что болѣе взрослые ученики, по какому-то непреодолимому влеченію къ русскимъ, даже своимъ внѣшнимъ видомъ старались походить на нихъ: носили высокіе сапоги и „русскія фуражки“! Двое же изъ этого кружка юныхъ энтузіастовъ, нѣкій Іосифъ Миллеръ и Венделинъ Бемъ, лучшіе ученики находской школы, рѣшили бѣжать вслѣдъ за покидавшими Чехію русскими войсками. Спустя нѣсколько дней товарищи ихъ, оставшіеся дома, получили отъ нихъ изъ Силезіи письмо, въ которомъ бѣглецы съ радостью сообщали имъ о томъ, что они будто бы зачислены корнетами въ полкъ „красныхъ“ гвардейскихъ гусаръ, подъ командою Алексѣя Петровича Миллесимо, при чемъ имъ обѣщано было даже повышеніе, какъ только они изучатъ хорошо русскій языкъ. Матери бѣглецовъ сейчасъ же отправились за ними въ Силезію, но сыновья не имѣли никакого желанія возвращаться домой, да и командиръ не отпускалъ ихъ. Къ счастью опечаленныхъ матерей въ Находъ прибылъ Александръ I, въ сопровожденіи графа Стадіона и князя Лихтенштейна, и случайно остановился въ гостиницѣ, принадлежавшей матери Бема. Со слезами она умоляла государя возвратить ей сына. Выслушавъ ее, императоръ Александръ I написалъ ей письмо, съ которымъ она должна была явиться

къ генералу и взять сына и его товарища. Молодые люди вернулись домой, по свидѣтельству современника, крайне опечаленные столь скорымъ концомъ ихъ военной карьеры. Этими искренними и безкорыстными чувствами къ русскому народу проникнуты были всѣ лучшіе чешскіе люди. Извѣстный чешскій писатель, выдающійся дѣятель эпохи чешскаго возрожденія Іосифъ Юнгманнъ былъ однимъ изъ убѣжденнѣйшихъ „русомановъ“. Подъ вліяніемъ случайнаго знакомства онъ въ сорокъ лѣтъ ревностно принимается за изученіе русскаго языка. Учителемъ его былъ священникъ Пензенскаго ополченія Александръ Васильевъ, заболѣвшій въ октябрѣ 1813 г. въ Литомержицахъ, гдѣ жилъ Юнгманнъ и оставшійся тамъ до выздоровленія. Нашъ пастырь написалъ Юнгманну на листѣ бумаги русскую азбуку и оставилъ ему для упражненія въ русскомъ языкѣ „драгоцѣнный“, по признанію Юнгманна, листокъ писаннаго русскаго текста, довольно банальную военную пѣсенку: „Безъ любви и безъ вина наша жизнь скучна“... Этотъ листокъ съ азбукой подлиннаго письма русскаго человѣка Юнгманнъ хранитъ, какъ сокровище и, сдѣлавъ съ него списокъ, посылаетъ его затѣмъ своему другу тоже извѣстному руссофилу Антонину Марку. Своего учителя чешскій поэтъ отблагодарилъ посвященіемъ ему стихотворенія, написаннаго по случаю болѣзни Васильева въ „негостепріимныхъ“ Литомержицахъ.

При такихъ незначительныхъ средствахъ Юнгманнъ успѣлъ однако въ русской грамотѣ настолько, что съ того же года въ перепискѣ съ друзьями употребляетъ наше русское письмо, какъ нѣкоторый видъ тайнописи. Эту роль наша азбука играетъ и впослѣдствіи въ интимной корреспонденціи чешскихъ писателей. Нѣсколько раньше знакомства Юнгманна съ Васильевымъ его, между прочимъ, посѣтилъ (въ сентябрѣ 1813 г.) русскій генералъ Толь. „Съ его адъютантомъ, разсказы-

ваетъ Юнгманнъ, я много бесѣдовалъ, и мы хорошо понимали другъ друга, но когда они начинали говорить между собою, я ничего не могъ разобрать вслѣдствіе быстроты ихъ рѣчи". При прохожденіи русскихъ войскъ черезъ Литомержицы Юнгманнъ, такимъ образомъ, имѣлъ возможность часто слышать русскую рѣчь, и онъ пользовался случаемъ поучиться ей. „Я усердно говорю съ ними, пишетъ онъ другу Антонину Марку, и нахожу, что между ними (т. е. русскими) есть чрезвычайно благомыслящіе люди. То, что здѣсь, особенно нѣмцы, разсказываютъ о ихъ воровствѣ и грабежахъ, должно быть поставлено въ упрекъ конечно не имъ, а плохой системѣ продовольствованія войскъ. Не одинъ изъ нихъ, когда я откровенно бесѣдовалъ съ ними по этому вопросу, отвѣчалъ мнѣ: „Что вы бы сдѣлали, если бы вамъ пришлось провести нѣсколько дней въ полѣ среди всякихъ лишеній, безъ продовольствія и если бы вдругъ нашли его? Умирать съ голоду на войнѣ было бы глупо"... Наконецъ, надо признаться, что они ничуть не хуже нашихъ. Не повредитъ это чехамъ, что они нѣсколько познакомились съ русскими, по крайней мѣрѣ, они знаютъ нынѣ, что есть больше Славянъ на свѣтѣ"...

Симпатіи чеховъ къ русскимъ, нашедшія столь живой откликъ и въ современной торжественной поэзіи, не нравились нѣмцамъ и возбуждали въ нихъ нѣкоторыя опасенія. „Здѣшніе нѣмцы и полунѣмцы, писалъ Юнгманнъ изъ Литомержицъ А. Марку (4-го мая 1814 г.), ужасно негодуютъ на печать, которая постоянно только и твердитъ о русскихъ. Все дескать они"... Въ своей пророческой прозорливости онъ тутъ же предсказывалъ: „Эта борьба (съ Наполеономъ) возвеличила славянскій міръ и немало будетъ содѣйствовать совершенствованію русскихъ. Недаромъ Европа узнала ихъ, а они Европу. Немного лѣтъ пройдетъ еще и, я думаю,

букварикъ (bukvárek) по всей Европѣ будутъ знать лучше, нежели знали его до сего времени; теперь не подлежитъ сомнѣнію, что музы утвердятъ свое пребываніе на Сѣверѣ"... Въ поэтической формѣ эту мысль о значеніи для славянъ общенія съ міромъ русскимъ высказалъ уже раньше въ замѣчательномъ посланіи къ Юнгманну Антонинъ Марекъ (Ant. Marek Jungmannovi, 1813). Призывая чешскій народъ къ борьбѣ за свои права и утѣшая его картиной болѣе отраднаго будущаго, Марекъ обращается взорами на славянскій востокъ: „Оттуда, съ востока духъ Славіи вѣетъ, оттуда поднимается родъ сильныхъ, зачатый надеждой, туда съ умиленіемъ направляютъ взоры свои славяне, у ногъ коихъ пѣнятся волны Адріатики и океана... Не бѣда, что насъ съ одной стороны тѣснитъ нѣмецъ, а съ другой — влачимъ жалкое существованіе среди турокъ, что у борющихся сербовъ опустилась храбрая десница, и что погибла держава князя Святополка! Вѣдь не исторгнутъ у насъ скипетръ Рюрика... Поднесь стоитъ древняя Москва и неодолимый градъ Петра. Они, могущественно царствуя, владѣютъ большей половиной двухъ частей стараго свѣта"...

Въ 1814 году непріятель, наконецъ, »узрѣлъ насъ при вратахъ Парижа«. Русскіе и союзники вступили въ Парижъ. »Франція пожелала мира. Ей дарованъ онъ — великодушный и прочный«. Торжествовала по случаю заключенія мира вся Европа, не могла не откликнуться на это радостное извѣстіе и муза чешская. »Вожделѣнный миръ« вдохновилъ и чешскихъ поэтовъ, и они сочиняютъ рядъ торжественныхъ одъ, посвященныхъ виновникамъ этого событія. На чешскомъ языкѣ такія оды пишутъ: Іосифъ Раутенкранцъ, Александръ Уль, А. Марекъ и др.; В. А. Свобода написалъ оду на чешскомъ и латинскомъ языкѣ; послѣдняя сдѣлалась извѣстною Александру I, императору австрій-

скому и дипломатамъ, собравшимся на конгрессъ въ Вѣнѣ, и создала поэтическую славу Свободы; на нѣмецкомъ языкѣ написалъ стихотвореніе »Die Befreier Europa's in Paris« профессоръ пражскаго университета І. К. Миканъ и торжественную оду: »Friedensfeier der Böhmen im Jahre 1814« нѣкій Іоганнъ Гербстъ. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній мы перепечатываемъ ниже въ подлинномъ ихъ видѣ.

Съ надписью на чешскомъ языкѣ отлита была въ Збировѣ большая чугунная медаль въ память освобожденія Европы „отъ оковъ" и избавленія народовъ

ея отъ тиранна. »Францъ, Александръ и Фридрихъ пріобрѣли прекраснѣйшій побѣдный вѣнокъ,« гласитъ эта надпись на одной сторонѣ медали. »Они сломали оковы Европы и отомстили страданія народовъ«, написано на оборотѣ. Звенья разор ванной цѣпи иллюстрируютъ выраженную въ надписи мысль.

Въ 1815 году, возвращаясь изъ похода во Францію, Александръ І снова побывалъ въ Чехіи. На этотъ разъ онъ былъ гостемъ фельдмаршала князя Карла Шварценберга въ его живописнѣйшемъ замкѣ Орликѣ, на лѣвомъ берегу Влтавы (въ южной Чехіи). Государь прибылъ въ Орликъ 15 октября въ два часа пополудни, сопровождаемый княземъ Волконскимъ, однимъ адъютантомъ, однимъ камердинеромъ и тремя лакеями.

Князь Шварценбергъ выѣхалъ на разстояніе одного часа и встрѣтилъ Александра I въ Залужанахъ. Здѣсь государь остановился и пригласилъ кн. Шварценберга въ свою карету, на мѣсто кн. Волконскаго. Сынъ фельдмаршала князь Фридрихъ выѣхалъ въ Залужаны верхомъ. Пребываніе императора въ Орликѣ было непродолжительно: онъ двинулся въ дальнѣйшій путь уже на слѣдующій день. Слѣдующая остановка была въ замкѣ Глубокая (неподалеку отъ Чешскихъ Будѣёвицъ), принадлежавшемъ кн. Іосифу Шварценбергу. Съ пребываніемъ Александра I въ Глубокой до сихъ поръ связано въ народѣ воспоминаніе о томъ, какъ русскій царь вспахалъ на полѣ у д. Госина борозду и одарилъ крестьянина пятью дукатами. Два варіанта народной пѣсни объ этомъ событіи сообщаемъ далѣе.

Съ императоромъ Александромъ I мы еще разъ встрѣчаемся въ Чехіи зимою 1822 года. — Возвращаясь съ Веронскаго конгресса, онъ остановился на нѣсколько дней въ Пльзни для свиданія съ своей сестрой Маріей Павловной, герцогиней Саксенъ-Веймарскою. Марія Павловна съ супругомъ своимъ Карломъ-Фридрихомъ и дочерьми, принцессами Маріей и Августой, прибыла въ Пльзень 31 декабря н. ст. 1822 года. Черезъ два дня (2 января н. ст. 1823 г.) пріѣхалъ Александръ I съ большою свитою и остановился въ приготовленномъ для него помѣщеніи въ гостиницѣ „У золотого орла". Такъ какъ государь прибылъ въ Пльзень ночью (въ 12 часовъ), то городъ былъ великолѣпно иллюминованъ, но отъ всякихъ пріемовъ и представленій оффиціальнаго міра Александръ I отказался еще до прибытія своего въ Пльзень, такъ какъ единственною цѣлью пребыванія его въ городѣ было свиданіе съ горячо любимою сестрою. Поэтому государь или занимался дѣлами у себя, или проводилъ время въ кругу своихъ родныхъ. Въ квартирѣ пльзенскаго городского

головы, въ домѣ „У золотой ладьи“, была устроена великолѣпная часовня, въ которой дважды, въ рождественскій сочельникъ и въ первый день Рождества, совершено было въ присутствіи государя торжественное богослуженіе. Несмотря на жестокіе морозы, разсказываетъ современникъ и очевидецъ, государь ежедневно въ одномъ фракѣ выходилъ на прогулку. При каждомъ появленіи его толпы народа восторженно его привѣтствовали, выстраиваясь рядами у дома, въ которомъ онъ жилъ. Русскій царь оставилъ по себѣ въ этомъ городѣ самыя лучшія воспоминанія. Пльзенскій городской голова, издавшій на нѣмецкомъ языкѣ привѣтствіе императору Александру I и предоставившій для устройства православной часовни свою квартиру, получилъ отъ государя брилліантовый перстень; такіе же подарки получили и другія должностныя лица. Извѣстный ученый и патріотъ, пльзенскій преподаватель, священникъ Войтѣхъ Седлачекъ поднесъ государю черезъ князя Волконскаго нѣсколько экземпляровъ своей чешской геометріи и оду въ честь его, отпечатанную на отдѣльномъ листѣ. Экземпляры геометріи представлялись Седлачкомъ для разсмотрѣнія въ нашей Академіи Наукъ. Государь пригласилъ къ себѣ ученаго патера и любезно разспрашивалъ его то по-русски, то по-нѣмецки о состояніи пльзенскихъ школъ, о современной чешской литературѣ, о системѣ его геометріи. Седлачекъ былъ необыкновенно тронутъ вниманіемъ къ нему государя, и особенно радовало его то обстоятельство, что русскій императоръ, принявъ поднесенныя ему книги и оду, „оказалъ этимъ честь чешскому языку“. Желая сдѣлать оду свою болѣе понятною для государя, Седлачекъ, по его собственному признанію, „руссизируетъ“ въ ней, т. е. употребляетъ слова, по его мнѣнію, болѣе понятныя для русскаго читателя, напримѣръ: „kde bohemský jazyk od

němců nás dělí“, „kde Alexander carstvuje“, „Car blahoslovný“, „On Hospodar a otec velkých nací“ и т. п. Восхваляя въ ней „Агамемнона нашего времени“, вышедшаго побѣдителемъ изъ кровавой борьбы со „своевольнымъ Западомъ“ и возвратившаго человѣчеству его „священныя права“, Седлачекъ изображаетъ здѣсь радость Пльзни и вообще всякаго чеха, который можетъ выразить государю свои чувства на славянской землѣ, въ своемъ отечествѣ. „Тамъ, гдѣ снова начинаетъ раздаваться славянская рѣчь, гдѣ можно привѣтствовать тебя по-чешски, мы хотимъ свить тебѣ благовонный вѣнокъ и сохранить твой образъ навсегда въ нашей памяти. Громкое у р а должно раздаваться и разноситься изъ страны въ страну, слава твоя никогда не должна померкнуть и вѣчно должна гремѣть въ Чешской землѣ“.

Черезъ два года другой чешскій поэтъ, Іосифъ Мировитъ Краль, излилъ свою скорбь въ длинной и прочувствованной элегіи по случаю смерти императора Александра I. Ужасная вѣсть о смерти его и рыданія вдовствующей Россіи доносятся съ далекаго Сѣвера черезъ Снѣжныя горы и до города, „гдѣ имѣютъ тронъ свой чешскіе короли“, гдѣ бравый чешскій левъ недавно еще привѣтствовалъ царя, спѣшившаго сокрушить ярость „злого Франка“ и даровавшаго Европѣ золотую свободу и миръ. Чешская муза, встрѣчавшая съ любовью и благодарностью дѣянія благословеннаго царя, проводила его и въ могилу. Она не могла молчать. Писатели чешскіе ясно сознавали значеніе для развитія чешской національной жизни и литературы самаго существованія великой и могущественной славянской державы Сѣвера. „Сѣтую очень надъ смертію наилучшаго государя“, — изливалъ свою скорбь знаменитый Вячеславъ Вячеславовичъ Ганка въ письмѣ къ А. С. Шишкову вскорѣ послѣ смерти Александра I, —

„и когда бъ не зналъ, что Е. И. В. Николай въ стопы обожаемаго брата своего ходитъ, возвышеніе блага и словесности Словянъ было бы безъ надежды!“ Замѣтимъ въ заключеніе, что въ чешской литературѣ имѣется нѣсколько произведеній, частью написанныхъ спеціально на темы, взятыя изъ эпохи пребыванія русскихъ въ Чехіи въ 1813 г., частью воспроизводящихъ нѣкоторые знаменательные моменты и эпизоды освободительной войны. Назовемъ прежде всего трогательный по своей задушевности разсказъ Германа (Гермегильда Иречка): „Розовая полянка“ (Růžový palouček), повѣствующій о несчастномъ случаѣ съ молодымъ русскимъ офицеромъ Котляревскимъ у г. Высокаго Мыта; далѣе отмѣтимъ небольшой разсказъ: „Казаки на Едлинѣ“ Ф. І. Ченскаго, основанный, по словамъ автора, на дѣйствительномъ фактѣ — любви казака къ чешской дѣвушкѣ, и эпизодъ изъ пребыванія русскихъ войскъ въ 1813 г. въ окрестностяхъ г. Находа, озаглавленный: „Николай“. Прекрасный разсказъ о Кульмской битвѣ находимъ въ романѣ современнаго писателя Якова Арбеса: „Эѳіопская лилія“, а въ популярной комедіи изъ крестьянскаго быта Л. Строупежницкаго: „Naši furianti“ встрѣчаемъ, какъ дѣйствующее лицо, того крестьянина, который, будучи крѣпостнымъ возилъ императора Александра I и получилъ отъ него два дуката, которые онъ хранитъ, какъ талисманъ. Чешскій романистъ — священникъ В. Бенешъ Тржебизскій коснулся событій 1813 г. въ разсказѣ: „Черные кирасиры“, а въ стихотвореніи: „Pohřbeným Rusům u kříže“ вспомнилъ о русскихъ герояхъ, падшихъ у г. Сланаго (Slané) и погребенныхъ вблизи его родного селенія Тржебиза (Třebíz). Вотъ эти нѣжныя строфы, посвященныя памяти безвѣстныхъ героевъ, сложившихъ кости свои „не на чужбинѣ, а на нивахъ плодородной Славіи, какъ дѣти въ объятіяхъ матери“:

Tam za vískou naší za tichounkou
k modru nebes ční posvátný kříž,
jako strážce vůkol nad krajinkou,
drahných ač jej věků poutá tíž.
— — — — — — — — — — —

Mužně na bojišti krváceli,
strašně bratry své mstí Slávové,
Borodina vrahům odpláceli
Ukrajinských step těch synové.
— — — — — — — — — — —

Navždy, navždy opustivše kraje rodné,
hrob snad v dálné našli *cizině?*
Ne — tož *Slavie* na nivách plodné,
dítky jak v náručí matčině.
— — — — — — — — — — —

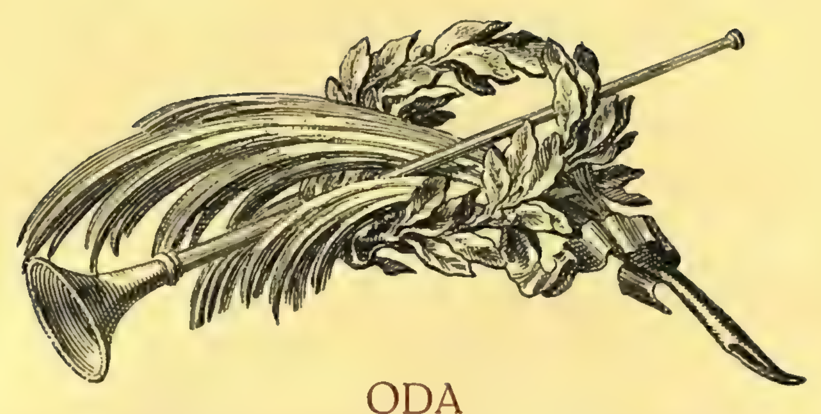
Jen ten kříž zde lůžko zdobí smutné,
těch dobrých synů máti jediné,
on jen zvěsti zdá se hlásat smutné
v ty kraje vůkol, luhy květinné.

Zde že v snění spočívají věčném
tož bratří z Dněpru prahů, Slávové
zde že v kraji Slávě vděčném
té svaté Rusi tlejí synové!

Портретъ имп. Александра I, приложенный къ нашему изданію въ значительно уменьшенномъ видѣ, гравюрованъ чешскимъ художникомъ Фр. Боровскимъ и помѣщенъ былъ въ журналѣ „Jindy a Nyní“ (Нѣкогда и Нынѣ), 1831, č. 25.

ODA
K JMENOVINÁM JEHO VELIČESTVA ALEXANDRA I.,
PANOVNÍKA VŠECH RUSŮ, DNE 26. ÚNORA 1814.

Vzhůru, každé srdce věrné!
povstaň, kdo ctí drahou vlast!
v propast zmizte zrady černé,
plemenící zlost a strast.

Popil, kdo je řádu ctitel,
k přeradostné slavnosti;
přistup, kdo je lidský přítel,
s srdcem plným vděčnosti.

Trouby, bubny, harfy zněte!
radost k obloze se vznes!
vyjev uznalost svou, světe!
zavzni nad hvězdami ples.

Svobody dnes přemocnému
obranci dík vzdávejme!
K mocnářovi přeslavnému
s pokorností chvátejme.

Když ho nebe dalo světu,
porozlehlé Rusii:
vznikla radost, jak hrom v letu
hrůza třásla Francií.

Zpupnou mocí potlačenou
svobodu, a mír a řád,
z blahých krajů vyplašenou
v ochranu svou přijal rád.

Dlouho strašná pýcha rostla,
hynul všeho mužství květ!
Nesnáz na nejvýš, když zrostla,
zvolal: «Nemá lkát víc svět!»

«Otroctví víc nemá býti;
zrušit porobu je čas!
Zoufanlivě slzy stříti
chci, a uvést rovnost zas.»

Vzhůru k boji! tu se nese
po Rusii slavný kaz.
Rychle, až se země třese,
zahřmí zhoubné zbraně ráz.

Hned se hrne nesčíslný
pronárodu valný roj,
Baškyr, Tatar, Kalmuk plný
hněvu, pádí s Franky v boj.

Carstva kryjí strašné zbory
od západu táhnoucí;
na ně hřmí až lkají hory,
po boji Rus prahnoucí:

„Snad se, statný Franku, bojíš,
  snad se navrátit zas chceš?
Sem jen! na mezích proč stojíš,
  naší mstě se vyhnout chceš?

Sem jen! doraz v moci hrdý,
  hněvem jiskřící viz meč!
k císařovi v lásce tvrdý
  popudils lid v krutou seč!

Mínils zrušit naše práva,
  usoužit a zedrat zem?
Zklamala tě tenkrát sláva,
  popil sobě k soudu sem!

Lítě do sebe se vrojí,
  z tisíců smrt praští děl,
svět se třese v hrozném boji,
  hory stojí z mrtvých těl.

Plamenem když města hoří;
  urputně Frank hloub se tře;
pilnost věkův v nic se boří,
  mstivým hněvem všecko vře!

Zvěř když z lesů Mordvy pustých
  rozplašuje zbraně třesk;
svobodě tu z mrákot hustých,
  náhle svítí jasný blesk!

S praskotem když strašným hlučí
  Moskva v prach se bořící;
zavrhnout, hlas hromný zvučí,
  porobu všech mořící!

Pozdě hrůzou Frank se chvěje,
bouří nad ním živlové,
práší v boj, až tma vše kreje,
Kozáci a vichrové.

Mráz a hlad a meč tu v závod
vráží rány smrtící,
uvádí v nic krutý návod,
pokoj světu rušící.

V krvi pýchou spité pluky
leží v strašné tichosti —
k Francii se valné hluky
valí s prudkou rychlostí.

Ruský vítěz nyní budí,
bleskem v tváři velebné,
národy, jež tyran trudí
spaté ve jho hanebné!

Zdvihli ti se utrýznění,
zedraní a kvílící,
jeho duchem rozníceni,
lámali kov tížící.

S výskáním se v strašné době
v svatý svazek shrnuli;
přísahali věrnost sobě —
zhoubcové až trnuli.

Slávie kdes tupiteli?
«Věčně zmizí v tmu a noc!» —
hlásals, chlubný haniteli.
Kdo však podvrátil tvou moc. —

Darmo na nás pomstu strojíš!
Bouříš lid svůj zedřený!
Čím hůř proti nám se rojíš,
tím víc budeš potřený.

Na trůn světa zvýšit sebe
u sebe si uzavřel;
ruský mocnář učí tebe,
jak si lásku získat měl.

On, co velký Alexander,
s zbraní v zhoubce hrůzou hřmí,
též co moudrý Peryander
bludu plaší černé tmy!

Pronárodů svých je radost,
sláva, hrdost, jak jen hne
okem; činit jemu zadost,
světa kraj lid za ním jde.

Darmo hrozné řeky hučí,
car, když velí, co chce mít,
ať smrt z tisíc jícnů bučí,
volá Rus: to musí jít!

Otec svých je dobrotivý,
v lásce vždy má každý stav!
k utiskaným milostivý,
váží sobě moudrých hlav.

Vědomosti rozněcuje
pravdou světu svítící;
že dle zásluh odplacuje,
jeví rouna třpytící.

Plesej, vlasti věrný Čechu!
Zná on též tvůj tvrdý meč,
pro krále že bez oddechu
s chutí v strašnou letíš seč! —

Vysokou svou přítomností
blažil tebe drahný čas;
až se vrátí s velebností,
jistě tebe poctí zas.

S ním se stejným čistem věčně
zbratřil přejasný náš pán!
Plesej, světe, plesej vděčně!
Brzo mír ti bude dán.

Nebude víc matky plašit
věčný míru nepřítel!
ani řetězy svět strašit
rajských krajů plenitel! —

Radost opoj zem i moře,
zavzni v divé hustiny!
poklid skončí strastné hoře,
změní v ráje pustiny.

Trouby, bubny, harfy zněte!
radost k obloze se vznes;
vyjev uznalost svou, světe!
nad hvězdy ať hřmí tvůj ples.

V Dobřanech psal

Silorad Patrčka.

Prvotiny pěkných umění, 1814, 19. května.

PŘI ROZSTONÁNÍ D. C. H. PÁNA ALEXANDRA WASILIEWA,

PENZENSKÉHO OPOLČENÍ PŘI CÍS. RUSKÉM VOJSKU VRCHNÍHO KAZATELE.

DNE 1. ŘÍJNA 1813.

◡ ◡ ◡ — ◡ — ◡ — — ◡ ◡
◡ ◡ — — ◡ ◡ — ◡ — ◡
◡ ◡ ◡ ◡ ◡ ◡ — — —
◡ — — ◡ ◡ — ◡ —

Ne Lidomíra mírodějná ruka,
tebe zhoubné lidobijce rámě
stavělo, hrade nehostinský,
mořící neduhem krutým
Muže, mnohým drahého dobrým lidem,
tobě hostinstva svatého právem
Wasiliewa Alexandra,
který ostavě vlast i dům
i syna rozmilého sladké doma
celování, Bohu lib i caru,
jít zvoluje, milený pastýř,
za stádem hotovým zlomit
okovy zpupně Franky Evropčanům
ukuté! Odrodilým jsa Němcům
polovinu věku ráj štědrý,
zcizils svému se národu?
I dosaváde žíla každá tobě
nenečeská; nebo já slovanskou
pociťuji v těle krev. Sem, sem
hojebné dary hor tvojích
byliny snes, a mízy živnou pomoc;
i sadů tvých moky sílonosné:
na Slovany moje buď laskav:
i jeť brat Slovanům Slovan.

Josef Jungmann.

Prvotiny pěkných umění, 1814, 17. lipna.

DIE BEFREIER EUROPA'S IN PARIS*).

Sie nahmen Paris!
Die Helden! Europas Befreier!
Der Vater von Oestreich, der Herrscher der Reussen,
Und Wilhelm, das Vorbild der tapferen Preussen.
Das Glück Ihrer Völker — es war Ihnen theuer.
Sie nahmen Paris!
Drum war uns der Friede gewiss.

Du kühnes Paris!
Den Erdball in Fesseln zu schlagen,
Nur dies war der Plan deines stolzen Tyrannen;
Doch wusst' Alexander durch Brand ihn zu bannen.
Von Moskau begann man die Franken zu jagen
Bis hin nach Paris!
Drum war uns der Friede gewiss!

Getäuschtes Paris!
Der schmeichelnde Wahn ist verflogen.
Die Väter der Deutschen — den Cäsar des Nordens
Empörten die Gräuel des Raubens und Mordens;
Der Edlen Verheissung — sie hat nicht betrogen.
Sie nahmen Paris!
Drum war uns der Friede gewiss.

*) Volksgedicht von Herrn Doktor und Professor Johann Christian Mikan, mit Musik von Herrn Kapellmeister Vinzenz Maschek. Gesungen in Prag den 7. Juli 1814, zur Feier des durch die hohen verbündeten Mächte erkämpften Friedens.

Gewalt'ges Paris!
Nicht sollst du der Deutschen mehr lachen!
Noch grünen in Deutschland die stämmigen Eichen,
Noch stehen die Deutschen, und werden nicht weichen.
Er ist nun geendet — der Kampf mit dem Drachen.
Sie nahmen Paris!
Drum war uns der Friede gewiss!

Gepries'nes Paris!
So hoch stand'st du niemals in Ehren;
Die mächtigsten Herrscher — im schönsten Vereine —
Besuchten die glänzende Stadt an der Seine,
Umrungen von tapferen siegenden Heeren.
Sie nahmen Paris!
Drum war uns der Friede gewiss.

Erstauntes Paris!
Ganz nah' hast du selbst es gesehen;
Ein Schwarzenberg führte die Rächer zu Siegen,
Ihm musste der Hochmut des Wüthrichs erliegen.
Gleich sah man die Fahne der Huldigung wehen
Hoch über Paris!
Drum war uns der Friede gewiss.

Bedrängtes Paris!
Du sandtest nach Osten und Westen —
Gezwungen — zum Tode die blühenden Söhne,
Damit eine Welt dem Eroberer fröhne;
Und Trauer entquoll Dir aus jubelnden Festen.
Auch Dein Wunsch, Paris!
War: Freiheit und Friede! gewiss.

Befreites Paris!
Du lerntest — wer gross ist — nun kennen.
Ein Franz hat das blutende Herz Sich bezwungen,
Und Volksglück durch eigenes Opfer errungen.
Gross muss Ihn die Welt — muss die Nachwelt Ihn nennen.
Auch Franz in Paris!!
Das machte den Frieden gewiss.

Versöhntes Paris!
Aus dir floss die Lava der Kriege;
In dir spross die Palme! — Was sie uns verheissen
Die Väter von Oestreich, von Russland, von Preussen;
Der Friede, die Frucht Ihrer glänzenden Siege,
Nun ist er gewiss!
Sie sandten ihn schon aus Paris.

Впервые эта ода была прочитана въ Пражскомъ театрѣ 15 апрѣля 1814 года, въ день рожденія кн. Карла Шварценберга, артисткой Софіей Шредеръ; издана на отдѣльномъ листѣ дважды.

PÍSEŇ K POKOJI.

Vítej, utěšený hoste,
do Čech našich, drahý pokoji!
Tebou štěstí naše zroste,
každá rána nám se zahojí.
Umlkly již vražedlné hromy,
zvuk jen plesu naplňuje domy.
Kupně: Sláva budiž duchu velebnému,
lásku mějme k Franci vítěznému!

Probuzen byl od půlnoci
národ velký s námi zbratřený;
s náramnou svou vstana mocí,
šťastně rozsil v světě proměny.
Z Moskvy Franka na zábřehy Rejna
jeho statná zapudila hejna.
Kupně: Díky dařme Boha všemocného
z Alexandra blahoslaveného.

Zaujaliť nepřátelé
zlobnou mocí skoro každý kout,
Alexander jal se směle,
svůj lid vybavovat z jejich pout.
Kdo se s Rusy pro vlast zasadili,
ti jak oni šťastně zvítězili.
Kupně: Slavme z toho Boha na výsosti,
jenž nás z poroby a nouze prostí.

Národům když potlačeným
Rusie své ruky podala;
znova hněvem odváženým
český lev se vrhl na Galla.

František ním obhájil své kraje,
práva lidu svého zastávaje.
Kupně: Bůh a síla jeho s námi stála,
Na výsosti budiž Bohu chvála.

Ei, jak nad Paříží vlaje
naše vítězná teď korouhev!
V pevné hrady, cizí kraje,
náš se český probojoval lev.
Světu pokoj, sobě čestné jméno,
tu si kořist, to si dobyl věno.
Kupně: Chvalme ředitele na výsosti,
an dal prospěch naší udatnosti.

Míru otevřena brána
mocnou rukou všeho národu;
strach již nejde z Korsikána,
každý požívá svou svobodu.
Jeho orlu nepodléhá říše,
Čech, Rus, Němec opět volně dýše.
Kupně: Chválen budiž, Bože dobrodiný,
že v nás vzbudil tyto slavné činy.

Zpokořen jest válek vůdce,
žádný rozbroj světa neplení;
cíl jsou záhubné té půtce
položili mocnářové smíření.
Od Atlantu, až tam do Kamčatky
bydlí svornost, mír a pokoj sladký.
Kupně: Díky Bohu, míru dařiteli,
k jehož slovu svět se tiší celý.

Antonín Marek.

Prvotiny pěkných umění, 1814, 9. lipna.

ZPĚV PLESAJÍCÍCH ČECHŮV
O SLAVNOSTI POKOJE
1814.

Vítej nám, o přežádoucí
svatý boží pokoji! —
Tebe nám Bůh všemohoucí
s nebe seslal po boji.

Seslal tebe k potěšení
lidstva zarmouceného;
seslal tebe k obživení
štěstí všeobecného.

Dvamecítmý rok již minul,
Evropa co úpěla;
dobrý stav všech zemí hynul,
Francie co zmocněla.

Ráje zpustly; zchudly země;
obchody se stavily;
trůny klesly; lidské plémě
kruté bitvy hubily.

I to svaté náboženství,
pravda, cnosť a nevinnost
zakusily protivenství,
nešlechetné spřeže zlost.

Darmo proti zlému vládci
spolčily se mocnosti:
zmařilť mocí, lsti a zrádci
jejich právní žádosti.

Darmo pro mír postoupily
pokladů a zemí svých;
darmo s ním se sjednotili:
otroky si dělal z nich.

Darmo pro mír obětoval
král náš dobrý dceru svou:
místo míru vyhrožoval
nevděčník mu porobou.

Ani Pia nelitoval,
věrných Otce svatého,
že mu k křivdě nesvoloval,
soužil jej co jatého!

Nešetřil ni lidu svého,
jenž ho zdvihl z ničeho;
důvěru jest zklamal jeho,
obloupil jej ze všeho.

Pro svou hrdost nevinného
lidu krutě cedil krev;
od Kadixu k Moskvě zlého
vršil míru litý lev.

Dovršils ji! — Našla tebe
pomsta krve nevinné!
spojily se zem i nebe
k pomstě — v světě jediné.

Z Moskvy do Paříže hnali
tebe cestou krvavou;
tam ti moc i s trůnem vzali,
v nic zas svrhly velkost tvou.

Plesej, světe! Netrůnuje
 více trapič národů.
Za své vzal, jak zasluhuje,
 rušitel všech zákonů.

Zaplesej, o člověčenství!
 pouto tvé jest zrušeno.
Zaplesej i náboženství!
 nebudeš tak lehčeno.

Raduj se, o církvi svatá!
 zvítězila práva tvá;
neníť víc tvá hlava jatá:
 pastýře zas tvé ti dá.

Plesejte i Francouzové!
 tyrana jste zbaveni.
Važte svobody si nové,
 právním králem vedeni.

Plesej, světe! Konec vzala
 zhoubná válka s otcem svým.
Pokoji teď místo dala:
 těš se s nebe darem tím.

Otče, matko, neplač více!
 neztratíš víc synů svých.
Vyjasni svá smutná líce!
 políbíš jich — vítězných.

V pokoji teď, mocnářové,
 oblažujte národy!
Bezpečně své, národové,
 užívejte svobody.

Světa zboží ať je sváží
  zemí, mořem směle zas!
Pravdy ať se zase káží —
  svobodně zní jejich hlas!

Vzhůru vstaň, a vznikni zase
  řemeslo a umění!
Zakveť vorbo! vezmi na se,
  světe, jasné vzezření!

Tobě pak buď, Bože, sláva,
  dárce míru svatého!
Vrátils lidstvu svatá práva,
  sraziv orla dravého.

Ej! my Tobě děkujeme,
  v srdci obveseleni;
z darů Tvých se radujeme,
  s celým světem zbratřeni.

Zachovej nás v svatém míru!
  Každé símě války znič!
Vše, co v lidstvu ctnost a víru
  ruší, zažeň od nás pryč!

Náměstkovi syna Tvého
  odplať jeho trápení,
ať se ještě s námi z svého
  těší vysvobození.

Dejž, ať Král i Sjednocení
  v stálé žijí radosti.
Odplať jejich přičinění
  zde i v slavné věčnosti!

Josef Rautenkranc.

Hlasatel Český, IV, 1818, str. 111.

NA MÍR EVROPY ROKU 1815.

Plesej člověctvo, vznášej pohledy
k hvězdám radostné! Ztříštěny jsou kruhy
mrzké nevolnictví, svobodná
zvůle a mír světu povrací se.

Aj zhoubce litý, jenž krvavé svodil
zevšad porážky, v manstvo tuhé chtěje
lidské upoutat plémě, padnul
pomsty ranou povalen smrtící.

Ha! půle valná již světa vítězi
lehlať za podnož, a zbrocenou krví
Evropu vazba svírala, však
litěji hárala vlády žízeň.

Chvátá lakotný do krajiny mrazem
věčným trnoucí, od jiha pod sever
nejvzdálenější prahna líbou
národovost vyhubit potomstvu.

Aj! již chvějí se v Římě Ruríkově
pyšné praporce, všem světa končinám
poddanstvo nezlomné a pupnou
jednoho vládu jevíce pána.

Chrabrého nesnadno Slovana zmoci;
ohněm potrávit své byty on volí,
šíji svobodnou než by Franka
podléhal úkazu nadmutého.

Aj! vizte, valný jak k nebesům vlní
se plápol! Aj, jak podmanitel hrdý,
slib dav svojím lepší, utíká
ohromený klopotem hanebným.

Ha, Moskvo, plesej! jak samolet mladý
Evropa ve tvém obžila zážehu,
blahoslavenství v pýření tvém
obnovené člověčenstvu žíří.

Aj, křídla mocně své dvoje přes světy
král ptactva rozpiav, již spěje příletem
rychlý honosným, a třepetných
hejna plachá letadel pohání.

Cítí na týlu vrah hroty ohnivé;
naň syn Rurikův, naň tře i Brennovic,
nevděk vysílav proň prvé, teď
naň metaje střely plesající.

Thuiskon také vstal, k svého se oslavě
praotce věrností zšikovav novou;
mužný zde Hispan, tam dotírá
s hrůzoplným leopardem Angliš.

Lev hřívu český ztřásaje hrozlivou
vzdvih též se, odpůrcům vždy ku ostrachu,
hněv soptě povstal, záhubu klem
i zrakoma vrahu blýskající.

Ajta! s Rurikovcem spojený čilým,
s mužného naň spolkem teče Tevtona,
a sápavou dáví krutostí
zbojce porážkami pupnělého.

Plesej člověctvo! bydlitelům země
kdo směl potupně jařmo kovat, padl,
ha, padnul ukrutník! a purpur
sňat krvavý, krvavý i vínek

Odbojci odňat s zarputilé hlavy,
pravému vrácen v ozdobu knížeti.
Šemný, na bezpráví kruché měv
základy, stol zbořený sesul se.

Již bůh lahodný míru se povrací
k omráčeným sestoupaje národům,
nátisku po dlouhém a bitvách
již zelená se, raší oliva.

Plesej hrdinný o Slovanů rode,
hlasné vydej slavná Čechie zpěvy!
neb zemšťanům bujné porobná
vaše uvolnilo pouta rámě.

Neztroskotá pak nikdy drzá smělost,
co smlouva králů trojjediných věky,
statnost co obcí, a všemocná
páně upevnila na vždy síla.

Věnceslav Al. Svoboda.

J. Jungmann, Slovesnost, 1820, str. 7; 1845 a 1846, str. 450—452.

ODE
IN PACEM EUROPAE FOEDERATIS PRINCIPUM ARMIS RECUPERATAM.
(1815.)

Gestite gentes! tollite liberos
Ad astra vultûs! Vincula decidunt,
Ac alma Libertas in orbem,
Paxque diu redit expetita.

Io! Cruentus, luctifera undique
Qui bella movit, terricolas jugo
Pressurus atroci, tremendi
Vindicis occidit ictus igne!

Parebat — heus! — jam dimidius fero
Orbis tyranno, sanguine decolor
Europa vinclis stricta, necdum
Dira tamen satura est libido.

Nunc, sempiternâ quae glacie rigent,
Immitis Arctûs adgreditur plagas,
Extrema libertatis umbra
Quo steterat removenda jactû.

Infixa Romae dira Rutheniae
Nutant nefandam signa tyrannidem,
Terrisque cunctis servitutem
Perdomitis penitus minantur.

At, non eâdem mente domabilis,
Ruisse mavult in cineres domum
Suam Ruthenus, quam superbi
Jura pati violenta Galli.

Et en! coruscas lambere sidera
Videte flammas! Adtonitum fugam
Citare laetis pro triumphis,
Pollicitum meliora nuper!

Laetare! ceu Phoenix, cinere ex tuo
Europa surgit, salva renascitur,
Tuo resurgit, Moskwa, busto
Euge! salus rediviva terris.

Qui pandit alas in geminas potens
Rex alitum oras, strenuus imminet,
Atque impetû late feroci,
En, trepidas agitat volucres.

In terga torquens fulmineos Joves
Ruthenus instat; Brennus adest ferox,
Et gestit, hosti proeliari
Tela coacta, vibrare in hostem.

Instat Thuiscon Patre pio duce,
Stipans novato foedere Caesarem.
Instant Iberi illinc, Britanni
Horrifer hinc Leopardus urget.

Surgit, minaces concutiens jubas,
Leo Bohemus, terribilis malis,
Irâ fremens de monte surgit,
Dente minans oculisque strages.

Et ecce! junctus fratribus inclutis
Leo Ruthenis, Teutonibus simul,
Victoriis longis tumentem
Projicit indomitum rebellem.

Gestite terrae, jam periit, grave
Jugum minatus; purpura gentium
Cruore stillans, quaeque solis
Flagitiis nituit, corona.

Detracta demum est de capite improbo,
Rursusque aviti tempora principis
Juste decorat, corruitque
Criminibus solium refultum.

Pax alma tandem semineces redit
Ad nationes, dulciaque otia,
Reversa post caedes cruentas,
Mite refert populis levamen.

Gestite Slavi! vocibus aethera
Pulsate laetis, tuque Bohemia!
Nam vestra virtus servitute
Terrigenas soluit nefandâ.

Nec fastus unquam dirruet impius,
Quod est triuno foedere principum,
Virtute sanctum nationum,
Quod Deus omnipotens tuetur.

Poëseos latinae specimina edit Wenceslawus Aloysius Swoboda, caes. reg. Humanitatis classium in Gymnasio Pragae Minoris Professor. Pragae, 1832, p. 17.

АЛЕКСАНДРЪ I, ПАХАРЬ ВЪ ГЛУБОКОЙ.

I.

1. Bratři kamarádi,
co jste slyšeli
o ruském císaři
o té české zemji.
Jak se vidět nechal,
diškerece dával
těm ze dvora pacholkům,
kteří ho vezli.

2. Co pak se to stalo
v panství hlubockým,
u vsi Hosína
oral ten car ruský;
jak šňorek vyoral,
na oráče zvolal,
pět kusů dukátů
jemu daroval.

3. Z Hluboký na Tábor
je deset hodin,
on tam byl za čtyry,
pravdu vám povjim;
za čtyry hodiny,
lidi ho viděli,
on ujel pět mjil,
on ujel pět mjil.

4. V Ševětíně na něj
vršští čekali,
šest šimlů zapřáhli,
k Táboru jeli;
vršskej Dvořák ho vez,
ten je živ až podnes,
dostal pět dukátů,
jak jen s koně slez.

5. Jak jest ho to
moc koštovalo
přes šedesát koní
na něj čekalo;
jak na štací přijel,
hned jiný přepřah jel,
tak se dělalo,
tak se dělalo.

II.

1. Bratři kamarádi,
co jste slyšeli
o ruském císaři
a prajským králi,
jak diškerece dával,
vidět se nechával
švarcenberským kočím,
který ho vezli.

2. Z Budějovic na Tábor
je deset hodin,
on tam byl za čtyry,
pravdu vám povím,

on tam byl za čtyry,
lidi ho viděli,
on tam byl za čtyry,
ujel šest hodin.

3. V malým Roudným na něj
vršští čekali,
šest šimlů zapřáhli,
k Táboru jeli;
z vrchu Dvořák ho vez,
ten je živje podnes,
dostal pět dukátů,
hned jak z koně slez.

4. Co se přihodilo
stranu Hluboký,
u vsi Hosína
voral car ruský,
jak záhon zavoral,
sedláka zavolal,
pět kusů dukátů
jest mu daroval.

5, Když záhon zavoral,
sedláka zavolal,
pět kusů dukátů
jemu daroval,
pět kusů dukátů
a všecku robotu
do pátýho kolena
z toho domu vzal.

Český Lid, XI, str. 31; XIV, str. 180.

HYMNUS
NA JEHO MAJESTÁTNOST
ALEXANDRA I.,

CÍSAŘE A SAMOVLÁDCE VŠECH RUSŮ, CARA KAZANSKÉHO, ASTRACHÁNSKÉHO, POLSKÉHO, SYBERSKÉHO, V TAURYCKÉM CHERSONÉZU, VEJVODU V HOLSTEINO-GOTTORPU ATD. U PŘÍLEŽITOSTI JEHO SLAVNÉ PŘÍTOMNOSTI V PLZNI DNE 3. LEDNA 1823.

Ha! proleť rychlonosná pověsti! svět celý,
v němž chrabrých Slovanů řeč panuje,
odtuď, kde bohemský zvuk od Němců nás dělí,
až tam, kde ALEXANDER cárstvuje.

Dej zprávu libou, že se šťastně vrací,
cár blahoslovný do svých zemí zpět,
On, HOSPODAR a OTEC velkých nací,
naňž s vděčností a láskou patří svět.

On jako AGAMEMNON našich časů,
se spojiv proti světa tyranu;
neoslechl ztrýzněného lidstva hlasu,
a vzal je pod SVOU mocnou obranu;

A jako Vítěz vyšel z krvavého boje,
jejž s Severem svévolný Západ svedl,
v němž každý Sláv co Bryareus stoje,
s Tytánem válčil, ponejprv an zbledl.

Ač zem se třásla pod nohama jeho,
však právo posléz palmu odnáší,
svět vešken žehná ALEXANDRA ctného,
A JEMU věnce slávy přináší.

ON k národům všem v srdci vážnost cítí,
všech blaho želá vyšlé z zákona,
kam kročí, před NÍM spravedlnost svítí,
co tvoří, vše dle práva vykoná.

FRANTIŠEK, ON a VILÍM v spolku svatém,
jen Bohem ctností vede národy,
a zpurnost klesá v důmu předpojatém,
an sobě strojí pád a nehody.

A proto svět se klaní Spolku Ctnému,
jejž zbožný ALEXANDER způsobil,
zaň národové kladou poctu JEMU,
an lidstvu práva svatá vydobyl.

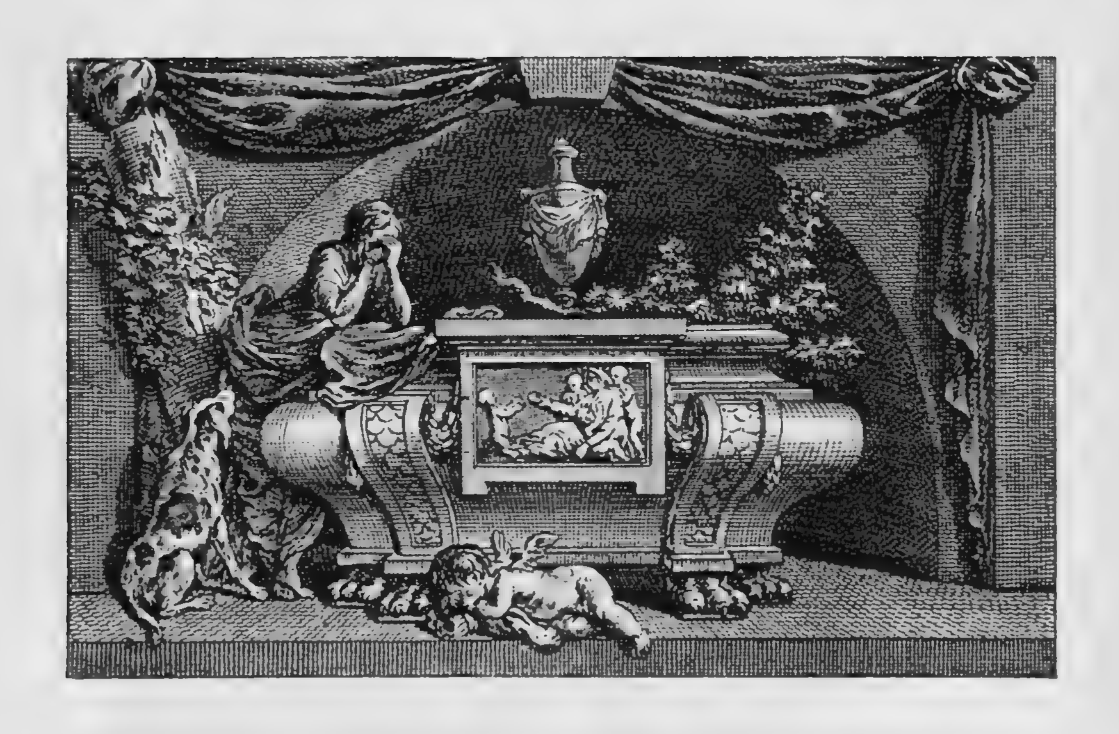
Tu vážnost, CARE VELKOMOCNÝ, k TOBĚ
i vděčná PLZEŇ chvátá vyjevit,
a kmet i jinoch cítí radost v sobě,
že jemu volno TĚ v své vlasti ctít.

Kde začíná řeč slovanská zas zníti,
kde po česku lze TEBE pozdravit,
I zde TI chceme vonné věnce víti,
TVOU přítomnost v své paměti vždy mít.

A hlučné: Hurra! má se ozývati,
hlas náš od země k zemi probíhat,
TVÁ sláva nikdy nemá zapadati,
se v zemi Čechů věčně rozlíhat.

JOSEF VOJTĚCH SEDLÁČEK,
regulární kanovník teplánský, doktor filosofie,
matematiky, pak řečtiny, češtiny profesor v Plzni.

Изданъ на отд. листѣ; затѣмъ перепечатанъ: 1) въ ж. Wlastenský Zwěstowatel, 1823, str. 22—23; 2) въ ж. Čechoslaw, 1823, str. 24.

ŽELOZPĚV

NA SMRT ALEXANDRA I.,

CÍSAŘE A SAMOVLÁDCE VŠECH RUSŮ, CARA KÁZANSKÉHO, ASTRACHÁNSKÉHO, POLSKÉHO, SYBERSKÉHO, V TAURYCKÉM CHERZONÉZU, VÉVODY V HOLSTEINO-GOTORPU ATD. DNE 1. PROSINCE 1825 ZEMŘELÉHO.

Jací od půlnoci truchlozvuky
přeze Sněžné hory vějí k nám?!
Jaký žel, a jaké asi muky
úpěnlivě oznamují nám?!

„Zvuk to smrti!“ — hořem naříkaje
volá porozlehlá Rusie,
jako vdova těžce oddychaje;
„Alexandr Car víc nežije!“

K Vindoboně věj to žalostění,
k sídlu mocnářského sbratření:
Alexandr že již více není,
žalostné tam zavzní úpění!

Z sídla slavných carů z Petrohradu
vějte želu plní zvukové
přes sousednou Borusii, k hradu,
kde trůn mají čeští králové.

Věj to přes kraj Rýna ku Paříži,
ku slavnému trůnu Francie!
Ohlas náramného želu tíži
ovdovělé matky Rusie.

„Alexandr že již více není!"
Po celém se světě rozlíhej
Rusie tvé bolné žalostění;
do nejzazších končin světa věj!

Znalas Cara otce svého cnosti,
cítíš, vladaře žes pozbyla,
jehož trůnu lásku spravedʼnosti
jako anjel Boží strážila.

Onť ten, jenž s tvých chrabrých beder složil
těžkého jha, pod nims vzdychala;
všady blahost štěpoval a množil;
kde prv trud byl, radost vznikala.

Všady pilnosti, by nenuzela,
štědré odměny vždy poskytal;
pustota kde děsné trudy sela,
úrodný a lidný kraj se stal.

V lůno říše své. On k její slávě
umění všech vložil základy;
musám krásné sídlo ve Varšavě
mocnářskými vzdělal náklady.

Tak co mocnář, tak co otec pravý
bděl, by vnitř svou říši ozdobil;
bděl i o to, nezhynoucí slávy,
by ji v zdálném světě vydobyl.

Onť byl od nadhvězdné věčné vlády
k požehnání lidu svého dán;
svých co otec miloval, a — všady
byl co otec od svých milován.

Laskavostí v prostřed lidu svého
skvěl se více, nežli na trůnu,
cnostmi ozářený život jeho,
nade zlatou skvěl se korunu.

On nejen svým žezlem ostráženým
národům byl mocnou obranou;
národům i cizím potlačeným
k pomoci rád podal ruku svou.

Mužnost jeho boky opásala,
nejsličnější ona mužstva cnost;
tasil k boji meč, když přikázala
bojovati vlasti bezpečnost.

Zpyšnělý Frank, nenasytý boje,
ode Rýna k půlnoci se hnal
na Rusii, zhoubné veza stroje,
by si v otroctví ji ukoval.

Alexandr hřměl! — a národové
půlnoční se zbraně chopili;
Rus a Tatar, Kalmuk, Kamčadové
nepříteli vstříc se řítili.

U Smolenska Franků rozložená
vojska Moskvě zhoubou hrozila;
kázal Car — a od svých zplameněná
Moskva k útěku jim svítila.

Sbřatřeného s Prusy, s Rakušany,
vítal Cara statný Český lev;
odtud kvapně táhl na Drážďany,
by tam Franka zlého potřel hněv.

Hurtem na nepřítele se hnali
sjednocených vládců plukové,
hřmíce naň, až Chlumské hory lkaly
jako zplamenění hromové.

Na tisíce v nepřítele vbili
pomstou jiskřicími meči ran;
tu svým hrdinstvím se oslavili:
Koloredo, Kleist a Osterman.

Odtud přes Drážďany neustanně
za plachými Franky kvapili,
k věčné památce až k Lipské planě,
kde smrt s hrůzou stan si rozbily.

Přeslavné pak nad Paříží plála
vítězná tří vládců korouhev;
zde se míru svatá smlouva stala,
zuřící zde umlk války hněv.

Tuto Alexandr v společnosti svaté
slávou věčnou sebe ozdobil,
Evropě an kruhem strasti spiaté,
zlaté svobody a míru vydobyl.

Ale ten, jenž živ byl světu k blahu,
hospodář a otec Rusie,
Opustil — ach brzo! — zemskou dráhu —
Alexandr více nežije! —

Plač proň Rusie, o máti osiřelá!
Car tvůj, otec, strážce, sláva tvá
není více! neníť — jehož vřelá
blažila tě láska otcovská!

Zhaslo bystré oko jeho bdící
nade rozlehlými národy;
zvadlo srdce jeho pečující
o pozdní své říše zárody.

Věkové až minou, činům jeho
celý diviti se bude svět;
Alexandra slávou zvěčněného
ctíti bude otec, syn, vnuk, kmet.

Tam, kde časná nemá místa muka,
kde cnost na věky se oslaví,
kde jej nelítostná smrti ruka
slávy koruny víc nezbaví:

Tam král Franků s králem z Neapoli
k srdci vinouce jej líbají;
tam náš Švarcenberk a Barklay z Tolli,
slavní rekové jej vítají.

Josef Mirovít Král.

Poutník Slovanský, I, 1826, str. 31—36.

